
О.В.Корнилова

Национализация американской нефтяной собственности в Мексике в 1938 г.: разрешение противоречий мирным путем

Автор стремится по-новому осмыслить развитие и разрешение конфликта между США и Мексикой, связанного с национализацией 18 марта 1938 г. президентом Л.Карденасом иностранных нефтяных компаний. Особое внимание уделено анализу причин, объясняющих, почему сохранение мира с Мексикой стало для администрации Ф.Д.Рузвельта важнее силовой защиты интересов американского бизнеса за рубежом.

Ключевые слова: международные отношения, национализация, нефть, пан-американизм, политика «доброго соседа».

В советской историографии долгие годы считалось, что политика «доброго соседа», направленная на укрепление «империалистического» влияния США в странах Латинской Америки, проводилась в интересах исключительно «большого бизнеса»¹. Однако в последнее десятилетие некоторые отечественные авторы несколько переосмыслили внешнеполитический курс США: «Переход же к политике «доброго соседа» в период первой администрации Франклина Делано Рузвельта (1933—1936), по существу, положил начало новому циклу межамериканских отношений, в котором заметно преобладала тенденция к сотрудничеству»².

В рамках новой латиноамериканской политики президент Рузвельт, взяв курс на увеличение военной и экономической кооперации с южными соседями, особое место отвел Мексике, представлявшей благоприятное поле деятельности для американского бизнеса. Был продолжен начатый администрацией Герберта Гувера (1929—1933) курс на либерализацию двусторонних отношений, который наметился после Панамериканской конференции в Гаване в 1928 г. Начавшийся вскоре мировой экономический кризис заставил Белый дом отказаться от идеи решения спорных проблем с соседним государством посредством применения силы. Президент Рузвельт и госсекретарь Корделл Халл хотели не только укрепить свои позиции в Мек-

Ольга Викторовна Корнилова — аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (kornilovasol@gmail.com).

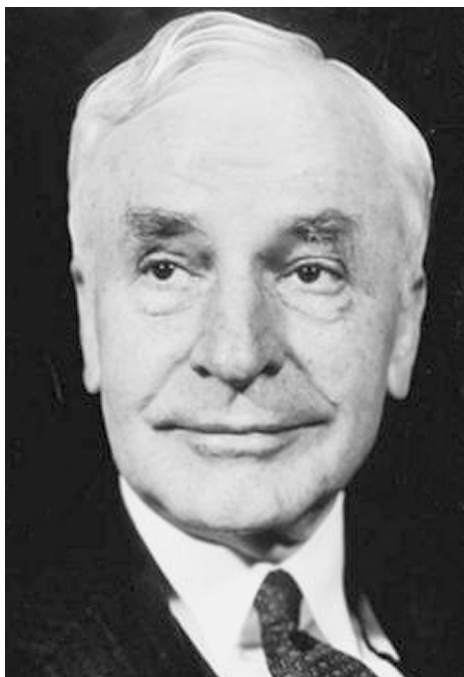
сике с целью сбыта американских промышленных товаров, но и сохранить общую стабильность в регионе. В инаугурационной речи в марте 1932 г. Рузвельт заявил, что Вашингтон в отношениях с государствами Западного полушария будет придерживаться политики «доброго соседа», под которой понималась взаимовыгодная политика между странами, уважающими обязательства и соглашения друг с другом³. Неслучайно на Панамериканской конференции в Монтевидео в 1933 г. Халл поддержал резолюцию, запрещающую вмешательство во внутренние дела латиноамериканских стран⁴. На конференции в Буэнос-Айресе в 1936 г. Соединенные Штаты также дали однозначное обещание не применять силу, что, впрочем, не означало отказа от политического и экономического давления в своих интересах. Однако, несмотря на ряд подписанных деклараций, не все в американо-мексиканских отношениях изначально складывалось гладко.

Президент США Франклин Д.Рузвельт

Придя к власти в обстановке углублявшегося экономического кризиса, Рузвельт первоначально не выказывал пристального интереса к мексиканским делам, передоверив их госсекретарю Халлу и его заместителю Самнеру Уэллсу. Оба дипломата выступали за сотрудничество с Мексикой в вопросах обороны и защиты интересов американского капитала. Все это позволило Вашингтону существенно расширить диапазон диалога с Мексикой, но устранить узкие места сотрудничества в торгово-экономической области так и не удалось. Причиной тому стала ст. 27 Конституции Мексики 1917 г., объявившая недра страны национальной собственностью. Показательно, что ряд эксцессов второй половины 30-х годов (нарушение положений соглашения Морроу—Кальеса, отсрочка в предоставлении компаниям подтверждения концессий, соглашение с англо-голландской «El Aguila», изъятие земельных концессий у «Standard Oil» в пользу Национального нефтяного управления и пр.) был непосредственно связан с набиравшим обороты нефтяным конфликтом, завершившимся в 1938 г. национализацией мексиканским правительством собственности иностранных компаний, контролировавших большую часть нефтяной промышленности страны.

Важно отметить, что мексиканская национализация нанесла существенный удар по интересам американского капитала и нефтяным кругам в частности. Мексика при этом добилась контроля над своей экономикой и отодвинула иностранный капитал на второй план. Эти изменения обозначили конец определенного этапа двусторонних отношений 30-х годов, выведя их на качественно новый уровень, необходимость которого до того момента официальные лица США не видели. Политика мексиканского правительства с 1917 по 1942 г. (ко-

Корделл Халл — госсекретарь США в 1933—1944 гг.

рации и американских компаний в решении вопросов инвестиций в экономики других стран в целом.

Следует отметить, что, несмотря на уникальность самого факта национализации собственности американских компаний в Мексике, он еще не стал объектом специального изучения в отечественной литературе. Исключением является работа «Мексика на крутом повороте своей истории», написанная в 1967 г. советским латиноамериканистом Анатолием Федоровичем Шульговским. В ней он посвятил целую главу «борьбе с американским империализмом». При всей ценности собранного автором конкретно-исторического материала, выводы, сделанные в исследовании, несколько устарели⁵.

Правда, и в современной литературе ученые зачастую придерживаются субъективного взгляда на суть конфликта и его результаты. Их точку зрения определяет однозначно антиамериканская позиция, в которой может быть только «белое или черное»: так, в 2011 г. Николай Николаевич Платошкин пишет о том, что «американские парламентарии использовали любой повод для беспочвенных обвинений в адрес Мексики»⁶. Между тем отсутствие более объективного взгляда на причины действий обеих сторон в кризисный период их взаимоотношений требует дополнительного рассмотрения. Прежде всего важно ответить на два главных вопроса: причины национализации американской собственности в Мексике и особенности реакции Белого дома. Для этого нам предстоит выяснить, что, собственно, произошло, чтобы национализация стала возможной, и почему реакция Белого дома отличалась от тактик предыдущих администраций. В этой связи особый интерес вызывает позиция президента Рузвельта, который проводил политику популя-

гда был окончательно разрешен вопрос о денежных компенсациях) была направлена на возвращение государству контроля над природными ресурсами. Возражения Соединенных Штатов против этой значимой цели революции 1910—1917 гг. принято считать атакой на мексиканский суверенитет. Правительства, находившиеся у власти в Мексике с момента принятия конституции, проводя в жизнь положения Основного закона страны, не имели четко обозначенной цели конфисковать американские собственнические права на нефть. Но они искали способ, который мог бы примирить права иностранных граждан, приобретенные еще до революции, и право государства на нефтяные ресурсы страны, провозглашенное в Конституции 1917 г. Помимо экономического удара национализация в Мексике подвела правительство США к необходимости определить позицию администрации

ризации панамериканизма и укрепления отношений с соседними странами с помощью так называемого добрососедства.

Заметим, что в начале 30-х годов отношения между США и Мексикой носили деловой характер. Осложнявшие их ранее противоречия между мексиканскими властями и американскими собственниками, наиболее ярко проявившиеся в требовании правительства Мексики подтвердить права компаний на землю и недра, в результате чего возникла угроза военного вмешательства, были урегулированы на основе соглашения Морроу—Кальеса (1927 г.). Мексика признала за американцами право на собственность, которую они приобрели еще до революции, и согласилась официально подтвердить существовавшие концессионные договоры для американских компаний. Ситуация резко изменилась с избранием в 1934 г. президентом страны участника революции 1910—1917 гг. генерала Ласаро Карденаса, ставшего активно продвигать социальные реформы. Он резко отрицательно относился к иностранной экспансии, в частности потому, что американский капитал контролировал большую часть нефтяной промышленности Мексики. По мнению отечественных авторов, Карденаса можно было охарактеризовать как «представителя левого течения национал-реформизма, антиимпериалиста и антифашиста, в мировоззрении которого отчетливо присутствовали черты кооперативного социализма и определенные антикапиталистические элементы»⁷.

Именно тогда у американских нефтепромышленников впервые возникли трудности с получением у властей документов, подтверждавших их деятельность. Их положение еще более осложнилось, когда местное правительство отменило разрешение на бурение ряда скважин и поставило это под собственный контроль. Иностранные предприниматели, расценив данный шаг мексиканского правительства как реальную угрозу своему праву собственности, обратились в госдепартамент США с просьбой о помощи. В центре их внимания оказались не только факты задержки мексиканскими властями документов о подтверждении концессий, но и урезание юридических прав нефтесобственников в федеральных зонах, повышение ставок налогообложения⁸. Американцев особо беспокоили широко распространившиеся в Мехико слухи о том, что предоставление концессий иностранцам считалось возможным, но не обязательным вариантом дальнейшего развития событий. Это было неслучайно: в сентябре 1935 г. мексиканские власти сделали попытку создания собственной компании «Petromex» (Petróleos de México, S.A.), быстро развивавшейся в первые годы администрации Карденаса. В соответствии с ее планом «Petromex» являлось полугосударственным предприятием, которое должно было осуществлять свою деятельность в том числе благодаря поддержке мексиканского капитала.

Тогда же иностранные компании столкнулись с новой проблемой. В начале 1936 г. разрозненные профсоюзы были объединены в Союз рабочих нефтяной промышленности Мексиканской республики (Sindicato de Trabajadores Petroleros de República Mexicana, STPRM), влившийся в Конфедерацию трудящихся Мексики (Confederación de Trabajadores de México, CTM), которая, в свою очередь, была одним из главных политических элементов правящей Национально-революционной партии (Partido Nacional Revolucionario, PNR), учрежденной в 1929 г. с целью сплочения сил, участвовавших в мексиканской революции, а также для поддержки пра-

вившего на тот момент президента Плутарко Элиаса Кальеса. Причиной активизации рабочего движения стало принятие 18 августа 1931 г. федерального закона о труде, в который была включена ст. 123 Конституции, связанная с улучшением прав трудящихся. Речь в нем шла о получении ими доли прибыли с предприятий, которые находились в иностранной собственности, а также возможности урегулирования споров с руководством нефтяных компаний созданным в 1927 г. федеральным Советом по примирению и арбитражу. Это решение было подтверждено в том же 1927 г. документами, подписанными США и странами Латинской Америки в Вашингтоне.

3 ноября 1936 г. STPRM предъявил 15-ти действовавшим в Мексике нефтяным компаниям коллективный трудовой договор, основой которого были все тот же трудовой закон 1931 г. и ст. 123 конституции. Приняв документ в целом, американские компании воспротивились двум его положениям — резкому повышению суммарной заработной платы (на 26 млн песо в год) и передаче рабочим ряда управленческих функций. Дискуссии были жаркими, но соглашение не было достигнуто, хотя Карденас и определил жесткие сроки его введения, дабы избежать забастовки. В сложившейся ситуации президент решился на компромиссный шаг, подписав 23 ноября 1936 г. Федеральный закон об экспроприации в интересах общественного блага (*Ley de Expropiación de 1936*). Согласно документу природные ресурсы в целях предотвращения их истощения и равного распределения этих богатств, монополизированных узкой группой иностранных нефтедобытчиков, национализировались и становились государственными. Собственникам, которых коснулась национализация, отводилось 15 дней, чтобы добиться административного аннулирования решения. Компенсация за изъятое имущество должна была рассчитываться на основании налога на добавленную стоимость. За основу в механизме национализации был взят объем улучшений (или ухудшений), произведенных владельцем с вверенной ему собственностью. Компенсации должны были быть выплачены в десятилетний период⁹.

В связи с принятием конфискационного акта, напрямую затрагивавшего интересы американских собственников, госдепартамент США выразил глубокую озабоченность развитием событий в соседнем государстве. В депеше послу Джозефу Дэниелсу, составленной исполняющим обязанности государственного секретаря Уолтоном Муром, содержались следующие инструкции: передать президенту Карденасу лично в неформальной обстановке суть опасений Белого дома, указав при этом на нежелательность мер по национализации иностранной собственности в свете недавней нормализации двусторонних отношений. Американские дипломаты считали, что положение закона о возможности национализации любых видов собственности, вне зависимости от преследуемых целей, способно спровоцировать международный конфликт, так как критерий в виде налога на добавленную стоимость для вычисления объемов компенсации был выбран ошибочно. По их мнению, наиболее подходящим основанием для расчетов должна была стать справедливая рыночная стоимость имущества¹⁰.

Однако карьерный дипломат выразил несогласие с указаниями госдепартамента, объяснив, что он сам обсуждал детали закона с Карденасом еще 7 октября, и тот заверил его, что закон не будет применяться в отношении частного сектора. Тем не менее в личном письме Муру посол высказал намного больше опасений, нежели несогласие с инструкцией. Он

сообщил, что гарантии, которые мексиканский президент дал американцам, не прописаны в законе, поэтому, если Карденас и выполнит данные им обещания, то его преемники будут располагать всеми полномочиями для изъятия иностранной собственности без надлежащей правовой процедуры. Вот почему для предотвращения подобной угрозы Дэниелс посчитал возможным в ходе беседы с мексиканским лидером указать на самые уязвимые места закона¹¹, хотя и понимал всю тщетность подобных попыток.

Правительство США, не раз выступавшее в защиту интересов американских собственников, уже имело негативный опыт в решении вопросов компенсации за 4 млн акров сельскохозяйственных владений, экспроприированных у американских собственников в соответствии с проводимой в Мексике с начала 1934 г. земельной реформой¹². Размер аграрных компенсаций оказался неудовлетворительным. В этих условиях Белый дом не мог полагаться на устные заверения мексиканского лидера, которые, к слову, вскоре последовали вновь. Так, на встрече с послом в декабре 1936 г., Карденас заверил его в том, что те иностранные компании, которые приносят пользу государству, не должны подвергаться экспроприации¹³. Однако Карденас не мог не считаться и с позицией рабочих, изложивших свои требования в коллективном трудовом договоре. Несмотря на то, что переговоры представителей STPRM и нефтебизнеса были продлены на шесть месяцев, противоборствовавшие стороны зашли в тупик, показателем чего стала очередная забастовка 28 мая 1937 г.

В этих условиях в нарушение своих обещаний мексиканские власти поспешили начать претворение закона в жизнь. После постигшей их неудачи с созданием государственной компании «Petromex», когда филиалы компании не смогли действовать в основном из-за нехватки капитала и опыта, все силы были брошены на формирование Национального нефтяного управления. Мексиканский президент хотел построить отрасль с крепкой структурой, поэтому в ведение новой организации были отданы все энергоресурсы. Газета «Excelsior», вторя установкам PNR, писала, что эта организация была образована не для того, чтобы выдворить иностранный капитал из страны, а «для того, чтобы улучшить трудовые и жизненные условия в Мексике»¹⁴. Таким образом, направив административный ресурс на укрепление национальной промышленности, федеральная власть стремилась создать правительственный сектор в виде государственной нефтяной корпорации. В этой связи представители американского нефтебизнеса опасались, что участие правительства в нефтяной индустрии обострит конкуренцию и не только оставит частный сектор в проигрыше, но и подвигнет мексиканское государство на аннулирование концессионных договоров с иностранцами.

Неопределенность ситуации заставила STPRM сменить тактику: он подал в июне жалобу в Совет по примирению и арбитражу. И хотя представители американских нефтяников энергично протестовали, требования рабочих были удовлетворены, следствием чего стало не только окончание забастовки. Однако эта промежуточная победа привела к тому, что теперь компании столкнулись с правительством напрямую, а не через профсоюзы. Это означало, что иностранные компании должны были прибегнуть к процедуре разрешения споров, которая была предусмотрена законодательством. Таким образом, Совет по примирению назначал комиссию экспертов для расследования дела о финансовой неспособности компаний выполнить

ряд требований бастовавших, в частности, повысить годовой объем заработной платы на 26 млн песо и равномерно распределить управляющие посты на предприятиях между американскими работодателями и представителями Союза рабочих. Разумеется, данная комиссия показала себя союзником правительства Карденаса.

Заключение экспертов было предоставлено 3 августа 1937 г., в нем говорилось, что все заинтересованные компании теоретически способны выполнить текущие обязательства. Это решение свидетельствовало о том, что правительство было недоволено тем, что иностранные нефтедобытчики наживались за счет эксплуатации местного населения, ничего позитивного не делая для социального развития Мексики.

В ответ американские компании подали протест в Совет по примирению и обратились к госдепартаменту США с просьбой убедить мексиканские власти в ложности выводов местных экспертов. Они доказывали, что ежегодные затраты на деятельность компаний, включая производство, налоги, зарплату и проведение социальных мероприятий, составляли 42 млн песо, а чистая прибыль — всего 20 млн песо. По их мнению, документ носил явно предвзятый характер, поэтому, если законодательные ограничения все же будут наложены, то компании будут вынуждены прекратить свою производственную деятельность. Представители нефтебизнеса были уверены в том, что мексиканское правительство путем постепенного урезания их собственнических прав намеревается забрать созданную ими нефтяную индустрию в свои руки. Они указали Белому дому на одну очень тонкую деталь в политике Карденаса: если национализация все же пойдет по мексиканскому сценарию, и прецедент будет создан, то это лишит Соединенные Штаты запасов нефти, находившихся в американской собственности не только во всей Латинской Америке, но, возможно, и в других частях света.

Руководство американских компаний старалось подключить все возможные ресурсы для защиты собственных интересов, поэтому приводило все новые и новые доводы в пользу ошибочности расчетов экспертов и взятых ими за основу показателей. Суть своей позиции они неоднократно излагали в прессе, подчеркивая, что годовая прибыль компаний составляла всего 18 млн песо, в то время как рекомендации экспертов касались роста расходов до 26 млн песо. Вопрос о том, где брать разницу в 8 млн песо, оставался открытым¹⁵.

Позиция госдепартамента была неизменной. Заместитель госсекретаря С.Уэллс напомнил представителям компаний, что мексиканскому правительству известна официальная точка зрения США. Вот почему какие-либо новые шаги из Вашингтона могут последовать только в случае отказа иностранцам в правосудии. Это означало, что главы нефтебизнеса должны сами использовать все юридические способы защиты своих интересов на территории иностранного государства¹⁶.

Посол Дж.Дэниелс также проявлял беспристрастную сдержанность, не допуская действий, которые могли бы привести к дальнейшей эскалации напряженности в двусторонних отношениях. Он считал, что государственная помощь компаниям должна быть оказана только в случае неадекватного и несправедливого отношения к ним мексиканских властей. Именно поэтому вмешиваться в дела соседнего государства и выражать официальные протесты возможно только, если деловые круги уже исчерпали все легальные средства защиты своих интересов. Не поддерживая обвинений в при-

теснениях юридического характера, на которых настаивали главы нефтебизнеса, Дэниелс отказывался стать своего рода посредником в переговорах с мексиканским правительством. Он был категорически против того, чтобы президент США решал возникающие в Мексике проблемы с позиций «долларовой дипломатии».

Как близкий друг президента Рузвельта, имевший на него большое влияние, Дэниелс придерживался мнения, что поддержка Белым домом американских компаний, у которых есть собственность в Мексике, будет противоречить положениям Панамериканских конференций 1933 и 1936 гг., где было осуждено вмешательство Вашингтона во внутренние дела других государств¹⁷. Из этого следовало, что сдержанность Белого дома по отношению к американским нефтяным компаниям в Мексике была обусловлена двумя факторами: принятыми обязательствами по панамериканскому сотрудничеству и проведением в жизнь политики «доброго соседа». Эта же позиция госдепартамента нашла отражение в заявлении посла от 5 сентября 1937 г., указавшего, что политика США в отношении нефтяных компаний не претерпит изменений, и, даже в случае самого худшего варианта развития событий, госдепартамент не будет указывать мексиканским властям, какого внутривластного курса стоит придерживаться. Правда, послом все же было отмечено, что США будут сожалеть о любом нарушении *status quo* в Мексике.

В сентябре и в октябре Карденас встречался с представителями иностранных компаний, но эти встречи не принесли ощутимых результатов. Президент повторил, что только положительное решение Совета по примирению и арбитражу позволит компаниям продолжить производственную деятельность. Но, как и ожидалось, 18 декабря 1937 г. совет встал на сторону Союза рабочих на основании экспертного доклада. В соответствии с заведенными правилами иностранные компании были вынуждены инициировать в Верховном суде Мексики процедуру «ампаро»* как средство защиты конституционных прав и свобод граждан¹⁸. Они пошли на этот шаг в надежде, что суд вынесет новое, компромиссное решение в их пользу.

Свои опасения представители американского нефтебизнеса высказали министру финансов США Генри Моргентау-мл. Соглашаясь с возможным повышением выплат по фонду заработной платы рабочим, они категорически отказались делить управление с членами Союза рабочих. По их мнению, мексиканское правительство твердо решило вытеснить иностранные нефтяные компании с местного рынка путем понижения цен на продажу нефтепродуктов внутри страны и одновременного повышения налогов, роялти и затрат на их производство, тем самым ликвидировав присутствие иностранного капитала в промышленности. Вот почему во второй половине 30-х годов американские компании не хотели вкладывать средства в разработку нефтяных месторождений, а потом вообще сократили до минимума денежные средства и численность занятых.

Позже компании объяснили свое нежелание идти на компромисс тем, что мексиканское правительство запросило у них не только сумму в 26 млн песо, но и настаивало на внесении ее большей части (не менее 75%) в банк

* Ампаро — особая судебная процедура, являющаяся средством защиты основных конституционных прав личности от действий государственной власти, нарушающих эти права.

Мексики. Таким шагом власти надеялись снизить давление на песо и обеспечить себя необходимым источником иностранной валюты. Мексиканцы усматривали некий умысел в отказе иностранных компаний идти с ними на сделку, считая, что тем самым американцы стремятся истощить денежный резерв страны и подорвать стоимость песо. Наиболее ярко позиция президента была отражена в речи перед Конгрессом Конфедерации трудящихся Мексики 28 февраля 1938 г. В ней он заявил, что иностранные компании путем неожиданного выведения средств из мексиканских банков и масштабной кампании в прессе намерены воспрепятствовать вынесению справедливого вердикта высшей судебной инстанции, заботясь сугубо о своих коммерческих интересах¹⁹.

Речь мексиканского президента стала для американцев доказательством того, что их участь предрешена, и добиться справедливости в Верховном суде им не удастся. И действительно, решение судебной инстанции было вынесено в пользу Союза рабочих. В этих условиях иностранные компании стали грозить продажей активов и полным прекращением деятельности. Но в Мехико никто не принимал их слова всерьез, считая, что американцы не оставят обустроенную ими рабочую площадку, которую сразу же захватят другие иностранные собственники, и уж тем более перед угрозой международной конфронтации. И если посол выражал надежду на возможность преодоления тупика в двусторонних отношениях, то министр иностранных дел Мексики Эдуардо Хэй считал, что Мексика сделала все, что могла, не поступившись своим суверенитетом²⁰.

Тем временем руководство американских компаний продолжило поиски возможного компромисса, благодаря чему крайний срок выполнения обязательств был продлен на неделю — с 7 по 15 марта. Однако 11 марта, не дожидаясь установленной даты, Союз рабочих отверг предложение, поступившее от руководства компаний об увеличении заработной платы, но при условии коррекции схемы распределений административных постов. Вслед за этим Карденас заявил, что правительство будет контролировать соблюдение контракта и не допустит, чтобы ежегодная сумма выплат оказалась выше оговоренного предела в 26 млн песо. Слов президента компаниям оказалось недостаточно, поэтому они попросили письменных заверений. Президент расценил запрос американцев оскорблением своего достоинства, чести своей администрации и всей нации. Таким образом, американцы по неосмотрительности усугубили экономический конфликт.

За несколько дней события в Мехико приняли необратимый характер: 15 марта американские нефтепромышленники уведомили Совет по примирению об отказе выполнять постановление Верховного суда, обострив тем самым вопрос до предела. В ответ Союз рабочих потребовал аннулировать существовавшие контракты и 18 марта объявил о начале забастовки в нефтяной промышленности. В этот же день в радиообращении к мексиканскому народу Карденас на основании закона 1936 г. объявил о национализации 17 американских и английских нефтяных компаний, обвинив их в нарушении условий эксплуатации месторождений. В поддержку своего решения он привел факты о непримиримой позиции нефтевладелцев на протяжении всего конфликта, а главное — об опасности создания прецедента в связи с отказом иностранных граждан соблюдать судебные и конституционные нормы, принятые в стране. Среди прочих причин назывались попытки шантажа со

стороны американских компаний, связанные с возможной остановкой отрасли в целом, и стремление нанести экономический ущерб всей нации²¹.

На следующий день после заявления Карденаса иностранные компании запоздало предложили выплатить 26 млн песо при условии, что профсоюз позволит им сохранить необходимый контроль над работой вверенных им предприятий. Предложение было однозначно отвергнуто, хотя 15 марта Карденас принял решение о временном управлении доходами нефтяной индустрии. Отказ компаний исполнить решение Верховного суда Мексики ускорил принятие решения о национализации, которое при всех перипетиях происходивших событий не было шагом, продуманным заранее (преднамеренным) или спланированным с экономической точки зрения. Акт экспроприации (*Decreto de Expropiación Petrolera*) стал президент-

18 марта 1938 г. Президент Карденас сообщает гражданам о национализации нефтяной промышленности

ским вердиктом, вынесенным иностранным компаниям, в защиту государственного достоинства²². В его основе — открытое неповиновение иностранных компаний власти Верховного суда Мексики, что поставило под сомнение мексиканский суверенитет на международной арене. И если в процессе конфликта американские компании опасались создания прецедента безнаказанного изъятия их собственности, волна которого могла «прокатиться» по всему миру, то мексиканский президент, проводя национализацию, руководствовался, прежде всего, нежеланием создания другого, невыгодного Мексике прецедента, когда граждане иностранного государства могли игнорировать решения высшей судебной инстанции. Приняв такое решение, Карденас встал на защиту авторитета высших властных структур, дабы их положение не было скомпрометировано.

Мексиканская общественность встретила решение президента с ожидаемым энтузиазмом. Закон о национализации с большим опозданием проводил в жизнь одно из основополагающих положений мексиканской конституции 1917 г., объявлявшей недра страны национальной собственностью. Кроме того, очень популярным стало мнение, что грандиозный судебный процесс, в который оказались втянуты американские граждане, стал реальной возможностью для США продемонстрировать во всей полноте политику «доброй воли», о которой так много говорилось на межамериканских конференциях 30-х годов²³. В этой связи национализация американских нефтяных компаний была расценена как проверка на прочность нового внешнеполитического курса Рузвельта. С другой стороны, международное событие такого масштаба повлекло за собой возрастание дипломати-

ческого вмешательства при решении вопроса о сумме компенсаций нефтяным компаниям, поэтому переговорный процесс затянулся еще на несколько лет.

Трудное экономическое положение внутри США, ставшее результатом Великой депрессии, и меняющаяся международная обстановка 30-х годов сделали политику «доброго соседа» сдерживающим фактором, который привел к разрешению столь значительного события международного масштаба как национализация мирным путем. Соединенные Штаты приняли решение полагаться на способность мексиканских судов и административных ведомств уважать права собственности американских граждан на нефть. Такой примирительный подход и политика невмешательства также стали основами «добрососедской» политики президента Рузвельта. В непростой внутренней и внешней политической обстановке США были заинтересованы в урегулировании нефтяного конфликта, достигшего пика 18 марта 1938 г. Подтверждением этого намерения стало согласие Белого дома с фактом национализации американской собственности при сохранении защиты прав своих граждан за рубежом, которое проявилось в требовании компенсаций. Для поддержки своей позиции госдепартамент оказал экономическое и дипломатическое давление, которое, тем не менее, не возымело достаточного действия. Это, возможно, произошло потому, что Америка, несмотря на опасения повторения подобного сценария с другими странами, а также в целях поддержания своего имиджа на мировой арене, приняв национализацию, не требовала вернуть утраченную собственность.

Достижение договоренности об условиях денежных компенсаций американским собственникам заняло несколько лет (1938—1942) во многом из-за того, что приход к окончательному решению осложнялся затягивавшимся переговорным процессом и введением экономических и дипломатических санкций. В связи с чем необходимо отметить, что так называемые итоги и последствия национализации 1938 г. в Мексике заслуживают специального рассмотрения. Тем не менее стоит подчеркнуть, что государственный департамент во главе с госсекретарем Халлом, намереваясь разрешить спор с мексиканской стороной, стремился свести количество трений с правительством Карденаса к минимуму. Поэтому он настоятельно призвал представителей нефтяных компаний договариваться напрямую с мексиканскими властями. Но увидев, что этот способ урегулирования противоречий, оставшихся после национализации, неудачный, госсекретарь из соображений государственной безопасности счел необходимым искать пути скорейшего достижения согласия между сторонами. В связи с чем госдепартамент США приступил к разрешению споров с Мексикой на правительственном уровне.

Угроза мировой войны, обеспокоенность поддержанием панамериканской сплоченности, а также снижение значимости мексиканских нефтяных ресурсов с конца 20-х годов для Соединенных Штатов в вопросе обороны страны в совокупности выдвинули достижение мира с Мексикой на первый план. Таким образом даже отдаленная возможность вовлечения в войну Западного полушария повлияла на временную и содержательную составляющую достигнутого соглашения, в то время как политика «доброго соседа» определила не военный метод прихода к нему.

Факт национализации поставил администрацию Рузвельта в затруднительное положение. Соединенные Штаты вынуждены были защищать права американских собственников в Мексике из-за возможного резонанса, который собы-

тие такого масштаба могло произвести в других государствах, и при этом не изменять провозглашенной в отношении латиноамериканского региона политике «доброго соседа» и принципам международного права в условиях напряженной мировой обстановки. Ответом Рузвельта стало признание права Мексики на национализацию, но при условии компенсаций как того требовало международное право. Опасения госдепартамента по поводу проникновения «стран оси» в регион не были беспочвенными. Чего стоило придание огласке того факта, что Мексика заключала бартерные сделки с Германией, Италией и Японией по обмену нефти на другие продукты²⁴. Газеты неоднократно писали: «... до тех пор, пока в определенных странах будет сохраняться ультранационалистическая политика, будет очевидно, что эти страны будут все больше сближаться экономически, а также политически»²⁵. Итак, резюмируя, следует подчеркнуть, что у вопроса о том, почему правительство США предпочло защите интересов американского капитала за рубежом сохранение «худого мира» с южным соседом, есть две стороны — внутренняя и международная. Одна из них — социально-экономическая нестабильность после начала «Великой депрессии». Страна нуждалась в постоянной экономической прибыли, непосредственно связанной с развитием торговых отношений с Латинской Америкой. Сильное влияние на позицию США оказала и международная конъюнктура второй половины 30-х годов. Общественность Америки чувствовала приближение Второй мировой войны, поэтому старые страхи японской угрозы и прихода гитлеровской Германии с Востока усилились. Все это заставляло Белый дом поддерживать мир с южными соседями любой ценой, что до этого казалось не столь приоритетным, воздерживаться от прямой конфронтации с латиноамериканцами, сохраняя видимость единого фронта в Западном полушарии. Экономические жертвы, принесенные Соединенными Штатами, и вынужденная временная сдача силовых позиций на континенте, традиционно находившихся в руках американского правительства, не были напрасными. С началом войны Мексика выступила против держав оси.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.Л. Мальков. История США, т.3. М., 1985, с. 284—285.

² В.П. Сударев. Межамериканская система: генезис и эволюция. МГИМО (Университет), 2008, с. 25.

³ F.D. Roosevelt. First Inaugural Address. — Inaugural Addresses of the Presidents of the United States. Washington, 1989; Bartleby.com, 2001. — www.bartleby.com/

⁴ Hull. Addresses and Statements. Washington, 1935, p. 35.

⁵ А.Ф. Шульговский. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967, с. 420.

⁶ Н.Н. Платошкин. История мексиканской революции. Время радикальных реформ 1928—1940, т. 3. М., 2011, с. 300.

⁷ Там же, с. 41.

⁸ L. Turchen. The Oil Expropriation Controversy, 1917—1942, in United States. — Mexican relations: A thesis for PhD in Modern History. Michigan, 1972, p. 179.

⁹ Text of the Federal Law of Expropriation on Grounds of Public Welfare. — Foreign Relations, 1936, Vol. 5 (V), p. 720—723.

¹⁰ Despatch. R. Walton Moore to Ambassador Daniels, November 23, 1936. — Foreign Relations, 1936, V, p. 723—725/

Окончание см. на стр. 106.